

Андрей
Ритский-Карсаков

ГЛАВНЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

«Дома нет. Просят не звонить». Те, кто хоть раз побывал в Доме-музее Петра Ильича Чайковского в Клину, знают, о чём это я. Такая медная табличка висит на двери при входе в дом великого композитора. Говорят, это он заказал и повесил, чтобы никакие случайные люди и всякие досужие поклонники не беспокоили его зря и не звонили. Они и не звонили – звонили мальчишки местные: чего ж не позвонить, коль «дома нет»... Вот в эту дверь, преодолев некоторую робость, летом 1954 года мы с братом Дмитрием и вошли. Вошли и остановились в нерешительности в пустой прихожей. Не успели мы как следует оглядеться, как на верхней лестничной площадке появился... он. Конечно, мы видели его фотографии в доме у нашего отца в Петропавловске и слышали о его внешней схожести с композитором, но тут действительно будто вышел к нам сам Петр Ильич, и это немного даже испугало... Но это был Юрий Львович Давыдов, племянник Чайковского. Наверное, мы выглядели глупо, и он, понимая, какое впечатление на нас произвёл, не дал нам опомниться и, не спускаясь вниз, спросил: «Так это и есть сыновья Гоши? Из Петропавловска?» Заулыбался. «Ну, ребятки, идите пока посмотрите музей, а потом – ко мне»...

В этом музее я был впервые, но поймал себя на том, что как-то не ощущаю особого трепета от этих фотографий незнакомых мне людей, от этой мебели, и только огромный, как мне показалось, чёрный рояль удивил. В Петропавловске я таких не видел, разве только в театре у мамы, бутафорский... Дима тоже, по-моему, не проявлял особого интереса, наверное, от волнения. Он только оживился, когда мы проходили мимо бывшей кухни, на первом этаже. Толкнув меня в бок, он тихо прошептал: «Вот, где-то здесь я жил с бабушкой, когда мне было год-полтора...» Да, отец об этом рассказывал. Бабушка Софья Карловна, дочь Н. Ф. фон Мекк, известной меценатки и корреспондентки Чайковского, жила в Москве в тяжёлых жилищных условиях, и в 30-е годы директор музея Н. Т. Жегин приглашал её два лета подряд пожить здесь, подышать воздухом – вроде как на даче. С ней же был здесь и маленький Дима. И вот теперь он пытался угадать, где бы это они с бабушкой могли тогда располагаться...

А через час-полтора мы уже были во флигеле музея, на втором этаже, и сидели перед Юрием Львовичем за столом его кабинета... «Ксюша, дай-ка нам, пожалуйста, чаю и... ещё чего-нибудь. Вы ведь проголодались, верно?» Мы что-то промычали, а Ксения Юрьевна, его дочь, пошла на кухню...

Вот как это «эпохальное» событие описал мой брат в письме в Петропавловск: «Дорогая мама! ...Вчера мы были у Ю. Л. Давыдова. Он нас очень хорошо принял, дал возможность посмотреть музей и угостил обедом».

Пока мы поглощали вкусный обед, Юрий Львович расспрашивал: как там Петропавловск, что нового, как там жизнь? И много и безостановочно рассказывал, как будто спешил выговориться, а может, просто нашёл в нас внимательных собеседников. Вспоминал о своих давних путешествиях по Сибири, по Казахстану и, конечно, о Петропавловске.

В памяти моей, шестнадцатилетнего провинциала, взволнованного от такого необычного знакомства и от всей незнакомой обстановки, конечно, почти ничего не осталось от его беглых рассказов о том о сём. Я слушал и не слушал. Но вот он вдруг спросил: «А мандарины в Петропавловске есть?» Вопрос застал нас врасплох: какие там в Петропавловске мандарины – мяса и молока не купишь, хлеб надо ловить. Мы что-то отвечали. А он с большим воодушевлением стал рассказывать, что мандарины, которые мы едим, – это его детище. Когда-то давно, оказывается, это он привёз из Японии саженцы и, как специалист в агрономии, сумел найти способ выращивать эти фрукты в российских условиях, на Кавказе. Это мне запомнилось. А ещё, помню, Юрий Львович сказал, что он строил какую-то необычную железную дорогу в Северном Казахстане, и почему-то спросил, существует ли Банк...

Всё это я бы и не вспомнил, если бы через много лет, перебирая отцовский архив, не обнаружил переписку его с Ю. Л. Давыдовым, бережно сохранённую. Не скрою, приятно было прочитать такие строки Юрия Львовича, написанные тогда же: «Что касается твоих хлопцев, то они на меня произвели очень хорошее впечатление. Серьёзные, вдумчивые».

А вот первое послевоенное отцовское письмо в Клин, 1946 года:

«Дорогой Дядя! Я всегда с радостью читаю появляющиеся в наших журналах сообщения о Доме П. И. Чайковского и о Тебе... Нас, людей, связанных если не близким родством, то хотя бы общими традициями и воспоминаниями детства и юности, сейчас осталась горсточка. Наблюдая рост моих мальчиков, я невольно вспоминаю своё детство, Петербург, Васильевский остров, родителей и нашу семью. Я очень хорошо помню, как мы все оживлялись и радовались, когда Ты появлялся у нас. Мои дети любят слушать мои рассказы о моих детских годах. Это заменяет им сказки Андерсена и прочую фантастическую художественную литературу... Что я могу сказать о себе? Я обременён семьёй и работой. Я – преподаю в детской музыкальной школе класс фортепиано и заведую учебной частью. Я ведь ученик Г. А. Пахульского. Читаю историю музыки в музыкальной школе слепых. Бытовые условия наши, тем не менее, крайне тяжелые. Мы живём в тёмном и сыром сарае погребе. Это в доме против Банка, во дворе, где музей, если ты помнишь этот город. Сейчас всё здесь не так хорошо, как когда ты здесь бывал...»

И мне вспомнилось, как отец, когда мы проходили по Советской улице в Петропавловске, всегда кивал на старинное, крепкое, жёлтое здание Банка за глухим кирпичным забором и с милиционером у входа и почему-то заговорщически шептал: «Здесь мой дядя, Юрий Львович, бывал в 20-е годы». Юрий Львович по этому поводу писал в письме 25 декабря 1946 года: «Банк в Петропавловске помню, ну а что было напротив, не помню. Ты говоришь, что город стал хуже, а я думал обратное, потому что он теперь Областной центр!?»

В то время, когда это было написано, он уже был назначен главным хранителем музея Чайковского и в письмах постоянно жаловался на чудовищную занятость. Ведь ему приходилось по должности не только вести весь учёт и изучение имеющихся и поступающих в музей материалов, но и поддерживать огромную переписку, в том числе и на иностранных языках – он в совершенстве владел английским и французским. Кроме того, он всячески старался совершенствовать работу музея, чтобы не стыдно было принимать многочисленных гостей, для которых это место

было свято. Так, он в 1958 году принимал лауреатов 1-го конкурса Чайковского, в частности американца Вана Клиберна. И очень много сделано им для расширения и облагораживания музейного парка.

Вот что он писал в Петропавловск в августе 1953 года о своей работе:

«...Что в Музее: нового довольно много. /.../ Я добился денег на капитальную ограду вокруг всей территории, а это около 3000 метров. /.../ Теперь начинаю биться за строительство фондохранилища, так миллиона на 2–2½, а то задыхаемся – тесно /.../ Посещаемость растет. Вероятно, перевалим 20.000. Бывают дни до 500 человек Дерусь сейчас за нормализацию штата, перевода музея из III-й категории в I-ую. Выпускаем справочники по фондам. Вышли пока два. Издаём на правах рукописей бюллетени. Сдали в печать книгу «Чайковский», – выйдет осенью, и т. д., так что, видишь, мы не спим. Сотрудники – 2 дочки и молодёжь».

При всём при этом интереса к Петропавловску Юрий Львович никогда не терял, и в письме 1961 года находим: «Хотел бы твоих новостей. Ведь я три года жил в Петропавловске, и хотелось бы знать, насколько он изменился? Что церкви – работают?»

На это он получил такой ответ: «...Ты просишь написать тебе про Петропавловск. В городе больше 200 тысяч жителей. Он сильно растёт в ширину и уже далеко вышел за железную дорогу и за ТЭЦ (электростанцию). Появились новые заводы, но очень мало строят жилья. Снабжение, говорят, лучше, чем в других городах, но от этого не легче. Очереди за хлебом. Белый бывает иногда. Молоко тоже. Меню очень скромное... Улицы асфальтируют (в центре), но на них толстый слой грязи или пыли, так как их никто не убирает и не чистит. И торговля, и бытовое обслуживание населения носит какой-то случайный характер. Идёт жестокая борьба за получение квартир...»

Но вот я наткнулся на такой вопрос отца: «А как твои мемуары? Почему ты их не издаёшь? Я полагаю, что они имели бы большой резонанс. А тебе есть что написать. Да и эпоха была красочная. Очень желал бы их почитать».

Ещё ранее, в 1951 году, Юрий Львович писал: «...В стадии эмбриональной мои воспоминания. Они написаны в размере около 20 печ. листов, но, вероятно, увидят свет в размере 8–10 листов, ибо без этого ни один редактор не сохранит служебного положения». И ещё об этом же: «Я вижу, что, сидя в Петропавловске, ты отстал от жизни. Теперь издательства, даже если бы воскрес Ленин и написал бы статью, то и то долго чесали бы себе затылок в размышлении – стоит ли она внимания? И даже решив, что стоит, передали бы её сонму редакторов, корректоров, метранпажам, и... и оставили бы от Ленина «рожки да ножки», с обвинением, что он отстал от ленинизма».

Итак, мемуары. Значит, Юрий Львович написал свои воспоминания, и значит в них, возможно, что-то будет и о Петропавловске. Но вот в 1962 году вышла его книжка «Записки о Чайковском», где он вспоминает всё о своём дяде Пете – П. И. Чайковском. А через год появилась небольшая книжка и о нём самом – «Внук декабриста» Н. Задонского. В ней были подробности о его деде, декабристе В. Л. Давыдове и его семье и судьбе. Из этой книжки мы узнали, что Юрий Давыдов окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, затем служил в лейб-гвардии конно-гренадерском полку. Имея неплохой голос, пробовал он петь в опере, был близко знаком с Шаляпиным и Собиновым, виделся с царями Александром III и Николаем II. Будучи членом Русского музыкального общества, добился открытия в Киеве консерватории. Мы узнаём, что увлечение агрономией привело его в сельскохозяйственную академию в Бонне. Его новая профессия агронома и животновода очень пригодилась после Октября 1917-го. Его назначают уполномоченным по за-

готовке для голодающей Центральной России зерна, а потом и мяса и отправляют на Урал, и далее – в Сибирь... А потом его работа на Колыме, на Чукотке, где он самозабвенно, применяя все свои знания, налаживает местное овощеводство и животноводство в условиях жёсткого климата и вечной мерзлоты...

Но в этой книжке, основанной на рассказах самого Юрия Львовича, нигде не упомянуты ни Северный Казахстан, ни Петропавловск. Тогда я вспомнил о тех объёмных мемуарах, о которых писал моему отцу сам Юрий Львович в 1951 году. Как с ними ознакомиться? После его кончины нигде ничего не было о них, и больше никаких его воспоминаний не выходило. Где же они?

Не так давно, побывав в Клину, я спросил об этом внука Юрия Львовича – Льва Давыдова. Он рассказал, что сразу после смерти деда весь его архив и две папки воспоминаний попали в Дом-музей. Но в музее, когда он о них спросил, этих папок не оказалось, и что с ними случилось – неизвестно. Однако, к счастью, сохранились рукописи, черновики, часть которых Лёва уже расшифровал и начал перепечатывать. Я попросил его найти мне хоть что-нибудь, что писал его дед о Петропавловске, о Северном Казахстане – очень уж не давала покоя фраза, вскользь сказанная им тогда, в 1954 году, о какой-то железной дороге, построенной им в Казахстане...

Прошло немало времени, и вот недавно Лёва Давыдов сообщает по электронной почте: «Здравствуй, Андрей! Ничего путного я не нашёл, хотя просмотрел почти всё. Единственное, что – “когда я был в Петропавловске, ко мне приезжала жена...”, где и заболела костным туберкулезом. И за 1919–1921 гг. – только приезжал в Петропавловск по прототрядовским делам, без подробностей...»

Ну что ж, сообщение совсем не порадовало, и я подумал – можно ставить точку... Но прошло несколько часов, и к вечеру того же дня Лёва посылает вдогонку следующее: «Андрей! Из того, что уже оцифровал, Петропавловск упоминается несколько раз. Шлю копии (но думаю, что все бесполезные). Больше ничего не нашёл. Всё это по одному из черновых вариантов (единственному). Чистовой вариант утрачен. Когда и кем – не знаю. Музей утверждает, что у них вообще никакого варианта нет». Далее Лёва сообщает, что ему приходится иметь дело со «слепым», третьим экземпляром, напечатанным на почти папиросной бумаге да ещё и испещрённым многочисленными правками. Есть отметка Юрия Львовича, что писал он это в 1949 году.

И вот они, эти «бесполезные», как выразился Лёва Давыдов, фрагменты передо мной. Совсем немного – полтора листика. Сначала автор даёт, как сказали бы театралы, «предлагаемые обстоятельства»:

«...Крупные прасолы скупали скот, сбивали их в гурты, по тысяче и больше голов, и постепенно гнали их к железной дороге, где продавали скот мясопромышленникам для убоя и вывоза в крупные центры европейской России. Пунктами выхода были: на юге – Орск – Оренбург, на северо-востоке – Челябинск – Троицк – Курган, в центральной степи – Петропавловск – Омск – Каргат – Новониколаевск, не считая других станций, имевших, почти все, примитивные бойни – солганы».

Судя по всему – это годы между 1919 и 1921-м. Позднее мне удалось увидеть трудовую книжку Юрия Львовича. В эти годы он как раз и был командирован Наркомпродом РСФСР в должности уполномоченного по заготовке скота, затем чрезвычайного уполномоченного по Уралу и Сибири, а 1921 году он – начальник управления заготовок Сибири. И вот как он описывает обстановку, в которой ему пришлось работать: «... Губпродкомиссар поехал в Тобольск ввиду отказа населения сдавать помольный сбор, да и увеличение первой объявленной развёрстки они не выполнили. Приняв очень крутые меры к взысканию в этом малохлебном районе развёрстки, он вызвал восстание и там, за что поплатился жизнью – на обратном

пути он был убит и, видимо, зверски, т. к. его труп нашли на дороге с распоротым животом, с насыпанной в него пшеницей. Восстание разрасталось, подогреваемое бандами рассеянных колчаковцев, сумевших объединить восставших и организовать форменные воинские части. Восстание стало расширяться, охватив Ишимский, Курганский, Петропавловский, Кокчетавский и отчасти Атбасарский уезды. Потребовалось бросить уже крупные силы для борьбы с ним. В желании отстоять Петропавловск туда была направлена целая дивизия, и я поехал с нею в надежде как-нибудь отстоять то зерно, которое в Петропавловске и Кокчетаве накопилось. Поехал я на бронепоезде, но уже до Петропавловска не удалось пробиться, т. к. пути были разобраны. Решили оттянуть бронепоезд, но и этого не удалось сделать, т. к. сзади тоже разобрали пути. Тогда решили пешком добраться до Петропавловска, что с большими затруднениями удалось сделать. Но часть города (нижняя) была занята восставшими. Я остался с зав. заготселем Омского губпродкома тов. Бродским на станции, заняв место в окопе. Так, в перестрелке, мы провели ночь. Перед утром узнали – сообщила нам одна девушка партийная – что нас обходят, и нам лучше отступить. Не буду в подробностях рассказывать детали, но мы с Бродским с большими историями вернулись в Омск. Восстание было подавлено, и много народа пострадало, а всё это из-за недомыслия губпродкомиссара, поплатившегося за эту ошибку жизнью. Досадно было ещё и то, что население было хорошо настроено до этого инцидента, оно встречало красных бойцов, как своих родных, стараясь угодить, но с этого момента пришлось немало труда положить, чтобы восстановить добрые отношения...».

Конечно, по прошествии более чем четверти века можно было так спокойно и без особых эмоций вспоминать былые передряги, полные опасностей и требующие крепких нервов и большого мужества. Но сильна, видимо, была закалка у бывшего поручика-гвардейца, и не такое, наверно, испытывавшего во время Первой мировой войны, в которой он участвовал в качестве начальника заготовок Юго-Западного фронта. Опыт той войны очень пригодился и теперь, когда Москва ежедневно шлёт телеграммы, требуя и даже умоляя принять самые решительные меры по скорейшей поставке продовольствия в Центр. И главное – хлеба! Ведь ещё в августе 1920 года было получено постановление Совнаркома, подписанное В. И. Лениным, с указанием «построить в срочном порядке железные линии Петропавловск – Кокчетав с употреблением на неё рельсов, снятых с линии Семипалатинск – Сергиополь. Выделить необходимый кредит для этой постройки». После освобождения этих районов от белых и подавления восстаний нужно было немедленно приступать к выполнению этого нелёгкого решения. И главное – попытаться убедить людей в необходимости быстрее его реализовать.

Вот что пишет Юрий Львович, вспоминая свою речь перед железнодорожниками Петропавловска в те дни:

«...Советская власть собрала с населения значительные партии хлеба, столь нужного сейчас в наших политических и индустриальных центрах. Собран этот хлеб в глубинках, гужевого транспорта для его вывоза к железным дорогам не хватает. Хлеб, за недостатком складов, находится под открытым небом. Нужно найти выход. Желая выслушать Ваше компетентное мнение, я, признавая себя профаном в вашей специальности, для сокращения времени предварительно хочу изложить вам мою мысль. Более или менее центральное место в западной степи занимает город Кокчетав. Если путем мобилизации гужевого транспорта у населения весь его перебросить на вывозку зерна из глубинки к Кокчетаву, а в Кокчетав протянуть ветку, то при упорном труде и правильной постановке дела мы к весне смогли бы весь запас зерна, ссыпанный в глубинке степи, поставить на рельсы».

Из этого следует, что от Петропавловска до Кокчетаву нужно спешно проложить рельсы. Как мне мнится это сделать? Никаких земляных работ. Шпалы на траву, а на шпалах рельсы. Если встретится «блюдец» или овраг, обойти их. Если нельзя обойти – переплёт шпал. Никаких мостов, водоснабжение – спустить рельсы в озеро, пусть паровоз сосет воду из озера. Никаких станционных сооружений, а бараки или землянки. Пропускная способность 6–8 пар поездов.

Кормить рабочих буду по горло, но при условии добросовестной работы, памятуя, что кто не работает – тот не ест...

Мои слова вызвали живые дебаты, в общем сводившиеся к невозможности теперь, когда до снега остались считанные дни, что-либо сделать. Кроме того, возник вопрос, где взять рельсы, шпалы, крепление и т. д.

Я взял слово, сказал:

– Колчак начал постройку так называемой ныне дороги "Турк-Сиб". Пока выстроено около 150–170 километров от Семипалатинска до Сергиополя. Этот район песчаный, бесхлебный, грузов не имеет. Нужно расширить этот участок и перебросить всю верхнюю структуру в Петропавловск.

Несмотря на сопротивление большинства, я, перебив одного из говоривших, сказал:

– Ответьте мне – можно или нельзя пустить поезда по рельсам, прибитым к шпалам без балласта и земляных работ?

– Можно пустить, но медленно, – мне ответили.

– Ну, если можно, то разрешите мне от имени Сибревкома и Наркомпрода дать вам задание. Я не уйду из Правления дороги, хотя бы пришлось просидеть мне двое суток, пока вы, товарищи, не разработаете, по-деловому, весь вопрос постройки ветки. Я бы думал, что вам нужно разбиться на 2 группы: одна для обдумывания вопроса изысканий и строительства, а другая – на расшивку ветки в Семипалатинске и переброски верхней структуры в Петропавловск. При этом прошу проектирующих учесть необходимость уклониться от прямого направления с подходом к селу Сухотино, также являющемуся мощным ссыпным пунктом.

Моё требование было выполнено. Инженеры разбилась на группы и разошлись. Я съездил поужинать и вернулся. Никто эту ночь не спал в управлении. В шестом часу утра схема работы была разработана, а вечером партии разъехались. Я выделил одного ответственного работника для организации снабжения продовольствием всей кампании, и через него же получал информацию о ходе работ. Дело пошло, и не плохо. Изыскания были кончены через 2 недели. Трасса была разбита на участки, и строились землянки для рабочих, самые примитивные. Начали около станции Азат строить из купленных трёх-четырёх выморочных домов основу шпального переплета, взамен насыпи. А тем временем разборка ветки до Сергиополя шла полным ходом, и по мере прибытия поездов верхняя структура сразу же укладывалась. Начались морозики, но это не останавливало работ. За 2 с половиной месяца ветка была построена, без балласта, правда, но факт остается фактом, что первый состав из 30 вагонов был подан в Кокчетав, и зерно начали грузить насыпом. По мере освобождения рабочих рук их перебросили на погрузку и очистку зерна. Словом, это продвижение зерна из глубинки налаживалось, и на душе у меня легче стало».

Весной 1963 года в одной из центральных газет была статья о Ю. Л. Давыдове, точнее, интервью с ним. По этому поводу в одном из писем моего отца я нашёл такое замечание: «А почему он ничего не сообщил о том, как строил мясокомбинат в Петропавловске?» И действительно, я помню – как-то давно мы с отцом проезжали на автобусе мимо мясокомбината, и он, внимательно вглядываясь в его корпуса

сказал: «Посмотри-ка – это детище Давыдова, Юрия Львовича...» Значит, отец что-то знал, слышал когда-то от своего дядьки? Не мог же он это нафантазировать. И вот теперь я нахожу некоторое подтверждение этому факту – в записках Юрия Львовича есть такие строки: «Переехав в Омск, я особенное внимание обратил на воссоздание холодильного дела, начало которого было положено по идее моего зятя – Николая Карловича фон Мекк, который во время империалистической войны уговорил генерала Шуваева, в то время главного интенданта, построить в Сибири ряд холодильников временного типа. Такие холодильники были построены в Боровом, в Кургане, Петропавловске, Омске и Новониколаевске. Начата постройка каменного в Бийске. Возводили только стены, но оборудование было увезено. Я решил всё это дело поручить Влад. Ал. Синельникову и вызвал его с назначением в Бийск, где нужно было достроить холодильник, что значило постоянно наблюдать. Он переехал в Бийск с семьей и энергично взялся за дело»...

В трудовой книжке Юрия Львовича есть записи, что он с 1924 по 1930 год занимал должности и инспектора заготовок, и консультанта, и животновода при Наркомпроде РСФСР, в системе Мясохладостроя. Все сходится: значит, он вполне мог в этих должностях принимать непосредственное участие в создании или реконструкции мясокомбината и в Петропавловске...

Юрий Львович Давыдов свыше 20 лет прослужил главным хранителем Дома-музея Чайковского и ушёл из жизни в 1965 году в возрасте 88 лет.

В письме нам, своим сыновьям, Г. А. Римский-Корсаков писал: «...Как-то угнетающе подействовало на меня, дорогие мои мальчики, известие о кончине дяди Юрия Львовича. Думалось, что он ещё будет жить и жить. /.../ Мне грустно думать, что ушёл последний член семьи Давыдовых-Мекк. Он очень связан с воспоминаниями моего раннего детства, петербургского периода. Он офицером постоянно бывал у нас на Васильевском острове. Это был милейший малый "Юрка Давыдов". Всегда весёлый, бодрый, живой и очень любил сочинять невероятные истории. Мир душе его!»

Но это был не последний из рода Давыдовых. Внуки Юрия Львовича, Лев и Георгий Давыдовы, продолжают его дело – теперь они стали главными хранителями нашей памяти об этом удивительном человеке. Думается, что дальнейшая работа над расшифровкой воспоминаний Юрия Львовича его внука Л. Е. Давыдова может пролить свет и на другие деяния его деда, связанные с Северным Казахстаном, и не только.

г. Москва, 2017 г.

